

Противостоят ли культура и психология социальному давлению?

В. Р. Шмидт

Виктория Рудольфовна Шмидт
Кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник
Института повышения квалификации
Российской академии образования.
Главный профессиональный интерес
— использование достижений разных
наук и практик для помощи детям и
семьям.

То, что целостность личности человека отрицательно воспринимается любым обществом, известно давно. Например, общество хочет, чтобы женщина была привлекательна, в меру умна и активна, не в меру чадолюбива и... (список можно продолжать и варьировать). При этом возможность посвятить себя чему-то одному сдерживается культурными предписаниями: если женщина предаётся материнству — общество назовет ее «клушкой», любви и сексу — «...», карьере — «синим чулком». И можно сколь угодно долго производить на свет анекдоты с перлюстрацией некрасовских строк, но их принятие обществом как эталона женского поведения остается незыблемой основой национального характера.

Современные мужчины не меньше женщин страдают от противоречивых требований. И если в прежние, до-гламурные времена мужчина мог быть кем-то одним: кормильцем, специалистом, управленцем, революционером, то теперь все чаще звучит тема «Вася, стань звездой!» Предполагается, что мужчина должен продемонстрировать свою универсальность. Массовая культура услужливо предлагает конкурс

«Мужчина России», где культивируется образ метросексуала и супермена, воплощающего новые стандарты благополучия, которые должен реализовать уважающий себя представитель «сильного пола».

Растерянность «от» и неприязнь «к» этому одним из первых выразил Лев Толстой в «Анне Карениной». Судьба Анны — это выбор женщины, у которой было все для полноты «счастья», по мнению общества, кроме любви. И тогда общество «толкает» ее в объятия Вронского для окончательной «отделки» ее безупречности. Но вдруг Анне надоедает быть женщиной во всех ее ипостасях, ей хочется только любви... и общество отвергает ее, хотя и не менее сильно, чем она — сама себя. Знаменитый сон Анны об оргии с любовником и мужем указывает на то, сколь глубоко в ее подсознание проникает установка на схизис (греч. «расщепление») женской натуры. В своей бесконечной рефлексии Анна доходит до простой мысли, что у других нет права требовать от нее продолжения столь разнообразного ролевого поведения, но жить с таким осознанием весьма трудно¹. Пристрастие Толстого к прос-

¹Интересно, что основная идея романа была отвергнута всеми его римейкерами — от режиссеров фильмов до хореографов балетов и Кати Метелицы, автора комиксного воплощения романа. Вероятно, крайне трудно сделать его исключительно попсовым произведением.

тым (маргинально целостным) героиням (Ростовой, которая уходит целиком в материнство, Масловой, которая вся поглощена новыми идеями, Облонской, которая сознательно выбирает материнство, хотя время от времени страдает от этого выбора), возможно, объясняется усталостью писателя от схизиса жен-

детских домов — нужно продвинуть сознание в сторону преодоления схизиса, поддержать, так или иначе, целостность мужчин и женщин.

Культурные и психологические практики могут стать как инструментом трансляции противоречивых ценностей, так и способами минимизации

Психологической подоплекой схизиса становится чувство вины: перед собой, другими, других перед собой. А чувство вины — мощная замена любви и спонтанной симпатии: вместо искреннего расположения — чувство долга, а вместо стремления понять — стремление оградить от неприятностей

щин. Ведь даже Чехову не удавалось так беспощадно передать вздорность идеи «гармонии», навязанной обществом, как это получилось у автора «Крейцеровой сонаты».

Нельзя сказать, что схизис, навязанный обществом, — отечественный продукт. Любое «цивилизованное» общество требует от человека выполнения разных социальных ролей, причем не формального, а «на полную катушку». Хотя это не что иное, как универсальное средство манипуляции сознанием, поскольку быть сразу «всем» не получится, а на пути к недостижимому можно потратить много денег, выполнить много трудной работы, за которую никому не придется платить и т.д. Психологической подоплекой схизиса становится чувство вины: перед собой, другими, других перед собой. А чувство вины — мощная замена любви и спонтанной симпатии: вместо искреннего расположения — чувство долга, а вместо стремления понять — стремление оградить от неприятностей.

Может быть, в этом и кроется кризис семьи? Женщины с интеллектуальным, деловым или творческим потенциалом не хотят рожать и добавлять к уже внушительному списку социальных ролей еще одну — материнство. А мужчины просто не понимают, что же значит быть отцом. Не так-то легко быть родителем — к мучениям в духе Карениной-матери добавляется вопрос без ответа о минимальных гарантиях в будущем. И можно ли купить такие гарантии за деньги, даже если это 250 тысяч рублей? Получается, чтобы женщины рожали, а семьи решились брать на воспитание детей из

общественного давления и внутренне конфликтных посылов. Западная культура и психологическая наука давно борются с социально обусловленным схизисом самыми разными способами: чтобы людям было, из чего выбирать, не страшно было отказываться от той или иной роли, отстаивать свое право быть самими собой. Культура и психология обуславливают развитие друг друга. Можно указать на три основных пути развития современной психологической мысли, которые отражаются и поддерживаются культурой:

- преобразование традиционных способов достижения баланса между человеком и средой;
- ренессанс гуманистической психологии и актуализация темы переживаний;
- заимствование психологической практикой рефлексивных и радикальных идей социальных течений 50–70 годов.

Каждая сторона психологической практики находит свое подтверждение в многочисленных произведениях кинематографа и литературы. Такое соотношение обеспечивает преемственность между специально организованным вмешательством в жизнь человека (психотерапия, психосоциальное обучение) и спонтанным преобразованием жизни (когда обращение к произведениям искусства решает многие проблемы).

Человек и общество

Большинство зарубежных подходов к психологической практике, получивших распространение в России, сфокусировано на достижении баланса в системе

человек — общество. Экологический подход — одна из современных версий ответа на вопрос «Как достичь гармонии между человеком и обществом?» В противовес другим теориям, рассматривающим связи «человек — общество», экологический подход выдвигает принцип реципрокной связи индивида и среды. Наиболее коротко данный принцип был определен Ю. Бронфенбренером: люди — продукт и продуцирующее начало своего окружения.

Экологический подход долгое время развивался, сочетая различные теории и практики внутри функционалистского подхода; а также заимствуя схемы кибернетики. Психоанализ, социальное научение, эмоционально-когнитивные теории сформировали технологическую сторону экологического подхода. А междисциплинарное соединение психологических теорий и синергетики выстроило логику осмысления проблем. Однако как современная версия экологического подхода, так и традиционные подходы (психодинамический, поведенческий, когнитивный) сосредоточены на следующих вопросах.

1. Вопрос о соотношении человека (индивида) и среды — что важнее, личность человека или влияние среды в ее развитии?

2. Представление о норме или оптимальном ходе развития, который задается обществом и/или задатками человека — каким должен быть человек, каким должно быть общество?

3. Стремление анализировать развитие человека во времени с помощью выделения стадий или событийного ряда жизни — каков вклад времени, эпохи, темпоральных контекстов в жизнь и развитие человека²?

Экологический подход предполагает, что человек занимает достаточно активную позицию по отношению к социуму — поскольку изменения в человеке не могут не отразиться на обществе и наоборот. Это предположение становится одним из ограничений данного подхода — поскольку общество может оказаться чрезмерно статичным, довлеющим, и тогда принцип реципрокной связи будет действовать только в теории³.

Экологический подход развивался в направлении все более искушенных объяснений мотивации и поведения человека. Поэтому системщики обратились к гуманистическому и рефлексивному подходам. Из гуманистического подхода

² Human behaviour theory and social work practice, Ed. By R. Green Palgrave, 1998

³ B. Howe Introduction to social theory for social work, 1987

Фильм, год выпуска в прокат	Основная идея
«Король Лев», 1994	Обрести свое предназначение, принять его и тем самым поддержать круг жизни
«Покахонтас», 1995	Оставаться там, где ты рожден, «петь на ветвях своего генеалогического древа»
«Тарзан», 1999	Быть способным адаптироваться в разных условиях, а приспособившись — улучшать среду своего обитания
«Ледниковый период», 2002	Сосуществовать вместе с иными и находить в этом сосуществовании смысл своей жизни
«В поисках Немо», 2003	Взаимная ответственность индивида и микросообществ за принятие друг друга
«Подводная братва», 2004	Взаимная адаптация общества, микросообществ и индивида зависит от самих людей
«Мадагаскар», 2005	Условность счастья и благополучия, временность баланса среды и индивида, выбор между балансом и изменениями, между обществом и микросообществом
«Лесная братва», 2006	Противостояние простых ценностей выживающих сложным ценностям, навязанным обществом потребления
«Делай ноги», 2006	Взаимопроникновение макро- и микроуровней общественной жизни, взаимная ответственность индивида и общества

Таблица 1. Экосистемы в мультфильмах

был заимствован анализ эмоциональной составляющей жизни человека⁴, а из радикального подхода — понимание вклада социальной истории человека (принадлежность классу, материальный статус, участие в социальных конфликтах) в его индивидуальную историю⁵. Однако основной вызов, точнее, допущение, что общество может быть негативным полем для самоопределения человека, экологический подход в науке преодолевает с большими трудностями, чем в массовой культуре.

В качестве примера рассмотрим современную мультипликацию. Экосистема — та модель построения анимационного пространства, которая ни разу не подводила западную мультииндустрию. «Король Лев», «В поисках Немо», «Лесная братва» — далеко не полный перечень мультфильмов, построенных на идее гармонии индивида и окружающей среды, поиску того места, где достичь такого баланса будет легче... Однако экосистемы в мультфильмах первой половины 90-х, второй половины 90-х и 2000-х годов образуют три разных уровня понимания того, как достигнуть баланса между человеком и окружающей его средой (см. таблицу 1).

Первоначально мультфильмы отражали классические концепты экологического подхода — индивид как элемент общей системы; обусловленность развития человека комплексными социально-психологическими предикторами; воспроизведение семейных сценариев; взаимные обязательства общества и человека друг перед другом. Однако как психологам, так и авторам анимации со временем стало ясно, что классический экологический подход недостаточен для

осмысления всех коллизий в достижении задачи баланса между человеком и обществом.

Как в психологии складывается понимание того, что гармония «человек-среда» — условность, так и в массовой культуре формируется критическое восприятие необходимости быть в согласии с окружающим миром. Целый ряд мультфильмов посвящен поиску ответа на вопрос: а стоит ли мир того, чтобы жить в согласии с ним («Подводная братва», «Мадагаскар»), другие показывают неоднородность мира и необходимость найти, укрепить, а, может быть, и построить свою нишу («Лесная братва», «В поисках Немо»). Незыблемость позитивного значения экосистемы была поставлена под сомнение — у индивида есть не один повод уйти из общества (как у льва Алекса из «Мадагаскара» — чтобы не нанести вред другим; как у Оскара из «Подводной братвы» — чтобы не стать мафиози; как у Мамблз из «Делай ноги» — чтобы найти себя и достойное применение своим талантам, возможно, избежать голодной смерти). Также анимация, конструирующая целостные экосистемы, озвучила тему относительности общественного прогресса («Мадагаскар», «Лесная братва», «Делай ноги») — а, подорвав веру в поступательное движение вперед, искусство дало право думать о том, стоит ли жертвовать своими интересами и желаниями во имя будущего, если будущее так зыбко.

Развитие экологической идеи в анимации убеждает в том, что одним из ответов на социальное давление и схизис, спровоцированный обществом, становится маргинализация — положительные герои популярной анимации

все больше походят на маргиналов. Если Симба — социально положительный герой и король, то звери из зоопарка («Мадагаскар») — маргиналы, которые живут не по предназначению, а мечтами, сверх-идеями и заблуждениями. Они достигают своей целостности в тот момент, когда отказываются от комфорта и привычек цивилизованного общества. Идея позитивной маргинализации присутствует и в современной теории помогающей деятельности — социальный работник и психолог не осмыслят проблем клиента, пока не откажутся от общественно значимых ценностей. Однако маргинализация не означает уход в себя — во многом возможность стать маргиналом зависит от наличия подходящей компании, способности найти эту компанию и поддержать ее существование⁶.

Согласие с собой вместо согласия с обществом?

Как и экологический подход, гуманистический неоднороден и динамичен. Как и системная психология, гуманистическая развивалась во взаимодействии с другими областями социального знания (философия, право). Ключевым вопросом гуманистической психологии становится достижение согласия с собой. Радикальные гуманисты, придерживаясь идей Райха, полагают, что человеку приходится выбирать между согласием с собой и согласием с обществом. Общество ограничивает естественные проявления человека, люди отчуждаются от эмоций и коллективного переживания горя, радости, утраты, интереса. Представители восстановительного подхода полагают,

⁴Представители гуманистического подхода полагают, что чувства — не артефакт жизни человека, а один из сокровенных смыслов. Представители системного подхода заимствуют приемы анализа эмоций, но игнорируют самоценность эмоций. Чувства остаются индикаторами, катализаторами/ингибиторами, ресурсами — но не объектом вмешательства.

⁵См. История в наследство В. Гольжак. Серия «Семейная психология», Москва, 2003

⁶Smale G., Tuson G., Statham D. Social work and social problems. Working toward social inclusion and social change. Palgrave, 2000

что достижение согласия между человеком и обществом вторично по отношению к согласию с самим собой.

Современные версии гуманистического подхода актуализируют задачу обретения общих эмоциональных основ взаимодействия между людьми — в качестве примера можно привести мультфильм «Делай ноги» (обратите внимание на оригинал названия «Harry feet») — это мультфильм в том числе и о том, что обретение счастья невозможно, если люди не слушают одну и ту же музыку, не танцуют одни и те же танцы, пренебрегают музыкой и танцами других. Массовая культура — подкладка того общего эмоционального строя, который в современных обществах заменен надуманными ценностями благополучия.

Цель современной гуманистической психологии вполне совпадает с задачами многих фильмов и книг — вернуть человеку полноценное переживание, восстановить «доброе имя» чувств, убедить в неизменной ценности эмоциональной жизни. Романы Дж. Фаулза предлагают читателю опыт реабилитации чувств — и этот процесс, по мнению писателя, невозможен без преодоления общественных предписаний относительно стандартов привлекательности, поведения, достижений и т.д. Гуманистические идеи представлены и в массовой культуре. Анимационный фильм «Мулан» реконструирует конфликт интересов традиционного общества и человека. Действие происходит в средневековом Китае в период нашествия гуннов. Мулан — единственная дочь бывшего военного, который воспитывал ее, не особо придерживаясь деления на мир мужчин и женщин. Но когда приходит время интеграции дочери в общество, Мулан отправляют к свахе, где девушка безоговорочно губит честь, свою и семьи. Неудача обескураживает Мулан, а резкое замечание отца о необходимости найти свое место вынуждает девушку переодеться в мальчика и уйти на войну вместо больного отца. По законам жанра Мулан переживает все перипетии становления и становится героиней, которая не только спасает страну, но приобретает опыт понимания себя, своих чувств и потребностей.

Мулан представляет собой человека, постоянно озабоченного вопросом «Кто я на самом деле?» (в ее понимании этот вопрос звучит «Кто я внутри?», потому что истинная сущность спрятана глубоко

от чего-то или для чего-то). Противостояние независимости Мулан и предписаний общества встраивается в вопрос права на обретение себя в традиционном социуме.

Самым грустным в фильме становится уникальность, которая предписана главной героине — не так легко повторить ее путь и прийти хотя бы к временному согласию с собой⁷. История Мулан может быть понята как исключе-

Общество ограничивает естественные проявления человека, люди отчуждаются от эмоций и коллективного переживания горя, радости, утраты, интереса. Представители восстановительного подхода полагают, что достижение согласия между человеком и обществом вторично по отношению к согласию с самим собой

ние, которое только подтверждает общее правило: «Гораздо легче смотреть на внешний мир и понимать его, чем заглядывать внутрь себя». Сомнения авторов в способности большинства людей жить в согласии с собой подтверждаются и тем, что безусловную любовь в мультфильме демонстрируют только одухотворенные герои — «нелюди»: дракончик Мушу, верный конь Хан, светлячок. Тогда как самые близкие люди любят Мулан «с условием»: вопреки и благодаря чему-то, восхищаясь и гордясь, но не всегда понимая и принимая ее.

Обращение к теме страданий героев не исключает морального контекста — именно в гуманистических книгах и фильмах преступление, подлость, малодушие рассматриваются как результат уступки человека социальным предписаниям, которые определяются как соблазны (трилогия И. Сабо «Полковник Редль», «Мефисто» и «Хануссен», «Талантливый мистер Рипли», «Матч Пойнт»). Гуманизм ставит знак равенства между бесчувствием и жестокостью. Человек отказывается от своих желаний в угоду социальным установкам, а затем поступает жестоко — по отношению к себе и тем, кого любит.

Неслучайно одной из современных практик гуманистического подхода становится восстановительное правосудие, которое основано на идее понимания преступления как следствия отчуждения общества от эмоционального контекста жизни. Процедура переговоров направлена не только на восстановление мира

переживаний совершившего деяния и пострадавшей стороны, но и общества, допустившего подобное отчуждение⁸.

Гуманистический подход предлагает свой способ достижения целостности — прислушиваться к своим чувствам, уметь выражать их и доверять им. Культурный опыт убеждает, что это далеко не простой путь. Человек, который решается на принятие себя, нуждается в поддержке — близких, возможно, специалистов,

образцов культуры. Следуя заповедям Толстого, западные авторы показывают несуразных в своей целостности героев (от принцессы Фионы до «блондинки в законе» Эль Вудс), которые добиваются своего счастья. Например, родительство в западной массовой культуре давно перестало быть чем-то, что требует полной отдачи. Далеко не совершенные, но весьма привлекательные отцы и матери из массового кино («Я — Сэм», «Мой лучший любовник», «Мачеха», «Второй лучший» и т.д.) проходят свой путь к целостности и эффективному решению проблем воспитания, все больше вслушиваясь в свои эмоции. Ни специалисты, занятые в сфере работы с родителями, ни сами родители в нашей стране не склонны следовать привычной для Запада логике понимания — катастрофическая нехватка терпимости к ошибкам родителей не может быть компенсирована никакими денежными суммами. Российские родители страдают не только от личной бедности, но и от институциональной бедности и нищеты духа профессионалов.

Условность общественных предписаний

Радикальный подход зародился в 60-е годы, когда осмысление последствий системы закрытых институтов (психиатрических клиник, интернатов, тюрем) подтолкнуло помогающих специалистов к выработке альтернативных приемов работы, адекватных процессу

⁷ Обреченность попыток героини найти себя созвучна распространенному отношению к гуманистическому подходу — самим специалистам сложно следовать задачам и целям этого метода, что же можно сказать о клиентах?

⁸ Kristi N. The limits of pain, Oslo, 1982

деинституционализации. Именно радикальный подход зафиксировал проблему трансляции противоречивых ценностей как один из контекстов развития психиатрических заболеваний⁹.

Радикальный подход противопоставляет себя гуманистическому, считая главной ошибкой гуманистически ориентированных терапевтов акцент на понимании себя, тогда как человек, прежде всего, желает, чтобы его поняли (до опыта понимания другим он не сможет понять себя), поэтому кто-то извне должен дать человеку опыт понимания.

В радикальном подходе происходит реконцептуализация основных понятий и принципов терапии. Главным вопросом радикального подхода становится выбор «страшно жить — страшно не жить»: что окажется менее страшным в данный момент для клиента? От этого выбора и зависит его будущее. Сопротивление терапии рассматривается как страх открыть свой «ящик Пандоры», из которого выйдет, все, что так тщательно было туда упрятано¹⁰.

Поэтому важно научить клиента строить приоритеты в обсуждении, ведь любой выбор в пользу одного означает минимизацию внимания к чему-то другому, и это другое перестает быть анонимным. Контрперенос — не только относительно проблем клиента и проблем идентичности с клиентом, но всего, что составляет суть взаимодействия клиента и терапевта (клиент движется в сторону решения проблемы и складывания мозаики только тогда, когда сам терапевт в ходе работы «разбирает» свою мозаику и складывает ее заново).

Только если терапевт говорит, что не наблюдает контрперенос, имеет смысл говорить о том, что контрперенос — проблема. Пока терапевт осознает наличие контрпереноса, это не проблема, но ресурс для развития ситуации. По мнению сторонников радикального подхода, терапевт неизбежно теряет свою идентичность в процессе работы — именно за счет такого разрушения и восстановления и осуществляется процесс реабилитации.

Если кратко остановиться на описании технологии радикальной работы, то она основывается на нескольких допущениях. Во-первых, для описания развития по аналогии с зоной ближайшего развития используется понятие

«зона разобранной мозаики» — в мозаику не складывается тот опыт, который не осознан, не выражен словами и не обобщен в позитивной манере. Во-вторых, терапия не может быть монологом клиента или диалогом между клиентом и терапевтом — это диалог между клиентом и обществом, пусть этот диалог приведет к тому, что клиент станет отрицать общественные нормы, важно осознание и преобразование зоны несобранной мозаики в уже собранную. В-третьих, терапия не должна отгораживать человека от внешнего мира, но должна, так или иначе, создавать иммунитет от внутреннего диалога между противоречащими тенденциями, внутренними обществом тем или иным способом.

Радикальному подходу в психологии соответствует не менее радикальная культурная практика. Вытеснение навязанных социумом ролей осуществляется за счет альтернативного схизиса. Чтобы избавиться от общественно обусловленных внутренних противоречий человек выстраивает свой собственный схизис. Именно этот подход воплощен в романе Ф. Уэлдон «Расщепление». Героиня в процессе развода делится на бесконечное число субличностей. В начале каждая из них отражает требование разных групп общества, но постепенно субличности находят общий язык между собой и договариваются о противостоянии давлению мира, помогают героине преодолеть травму, нанесенную близкими людьми, обрести цель и определить путь ее достижения.

Апологеты радикального подхода признают за культурой терапевтическую функцию — и если пионеры радикального подхода под влиянием франкфуртской школы относились к массовой культуре скептически, полагая, что такая культура усиливает общественное давление, то современные представители убеждены в возможности массовой культуры содействовать радикализации сознания¹¹.

Трансформация идеи схизиса иллюстрируется фильмами Д. Линча — расщепление на личность, удобную для других и удобную для себя, в начале творчества осмысливается режиссером как трагедия («Человек-слон»), затем как неизбежное предназначение («Голубой бархат», «Твин Пикс»), а потом — как удобная для человека форма маскировки, поле для маневров против общества

в защиту своих интересов («Простая история», «Малхоланд драйв»).

Радикальный подход утверждает отсутствие целостности — поэтому человек может противопоставить общественному давлению приоритет своих проблем и трудностей, а также задачу их осмысления. Ценности радикального подхода популярны среди западных специалистов и почти неизвестны отечественным теоретикам и практикам. Почему? Одно из возможных объяснений — отчужденность отечественных специалистов от работы с так называемыми делинквентами. В основном работа с ними ограничивается диагностикой и экспертизой. Если бы отечественные психологи и социальные работники были вынуждены работать с подростками, находящимися в конфликте с законом, людьми без определенного места жительства, представителями неоднозначных социальных групп, то шансов принять идеи радикальной психологии прибавилось бы — поскольку не так много в психологической практике методик, позволяющих работать с такими проблемами.

Заключение

Схизис, который санкционирован и навязан человеку обществом, важно и можно преодолевать — зарубежный опыт убеждает в том, что одним из условий этого становится консолидация усилий различных профессиональных сообществ. Взаимная чуткость помогающих специалистов и авторов массовой культуры содействует тому, что у западного человека есть выбор между бездумным следованием общественным предписаниям и различными способами достижения целостности. А что остается делать нашим соотечественникам: притвориться, что такой проблемы нет, страдать от общественного давления или инициировать процессы, сходные развитию зарубежной социальной науки и культуры?

⁹Laing R.D. Divided self, Penguin, 1967

¹⁰Leary D.A. Holding the fear of (not) being: radical thoughts on therapeutic work with marginalized adolescents // Radical psychology, 1999 Summer, Vol 1, Issue 1

¹¹Wilson D., O'Sullivan S. Re-theorizing the penal reform functions of the prison films: revelation, humanization, empathy and benchmarking // Theoretical criminology, 2005, № 9